

Колесо – образ-символ, выполняющий нравственно-философскую роль в эпопее Солженицына. Именно оно обозначает круг вопросов и проблем, которые легли в основу произведения: что есть Человек? Есть ли смысл в жизни Человека? В чем он?

Библиографический список

1. *Бабель И.* Сочинения: в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 10–12. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.
2. *Бавин С., Семибратова И.* Судьбы поэтов Серебряного века: Библиогр. очерки. М., 1993. С. 65. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.
3. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2008. С. 1060.
4. *Гаршин В. М.* Рассказы. М., 1980. С. 177. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. М., 2002. Т. 5. С. 167–168. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.
6. *Солженицын А. И.* Красное колесо. М., 2001. Т. 3. С. 84. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.
7. *Толстой А.* Хождение по мукам: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 63. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.
8. *Шолохов М. А.* Тихий Дон. М., 1980. Кн. 1. С. 182. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.

Н. Ю. Букарева
*Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ Л. Д. РЖЕВСКОГО «...МЕЖДУ ДВУХ ЗВЕЗД»

Леонид Денисович Ржевский (настоящая фамилия Суражевский; 1905–1986) – один из наиболее ярких и талантливых прозаиков второй волны русской эмиграции. В 2000 году впервые в России вышла книга избранных произведений этого писателя. В однотомник вошли романы («Между двух звезд», «Две строчки времени»), повести («Сентиментальная повесть») и рассказы («Рябиновые четки», «Сольфа Миредо» и другие). Повесть Л. Ржевского «...показавшему нам свет» была опубликована в 1960-м году в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне), в нашей стране не издавалась.

В произведении писатель обращается к военной тематике. События разворачиваются в Баварии, куда в больницу был перевезен главный герой повести Вятич – бывший военнопленный, который, как и другие персонажи этого произведения, по окончании войны не возвращается на родину, а остается в Германии. Временной диапазон событий небольшой – с марта по октябрь 1945 года, т. е. самый конец войны и первые послевоенные месяцы. Изображения военных

действий в тексте нет совсем – о них лишь упоминается. Однако именно война – та сила, которая определила участь героев повести. Главный персонаж Вятич и рассказчик Петрович по ее вине оказались в плену, затем они «вместе выкарабкались из-за проволоки для так называемой “культурной работы” на разоренной земле: составляли эстрадные группки, сами сочиняли и ставили разные развлекательные пустяки» (2 : 7). Война сыграла роль и в судьбах двух женских образов повести – Мары и Аннушки: они были вывезены немцами на территорию Германии в качестве рабочей силы. Наконец, война послужила причиной тех тяжелых заболеваний, которые пришлось перенести Вятичу, и одновременно – переосмысления им ценности жизни. То есть война является той доминантой, которая определила те или иные переживания и испытания героев Ржевского, той основой, на которой сформировалось их мировоззрение.

Сюжет в произведении ослаблен, не на событийном ряде сфокусировано внимание писателя, основное в повести – внутренняя жизнь героя, его рефлексия, передача состояния человека, стоящего на пороге смерти и нашедшего в этом, земном мире то, что спасает его. Сюжет можно пересказать несколькими предложениями. Вятич, бывший военнопленный, заболевает туберкулезом легких и горловой чахоткой – диагноз смертельный. Он оказывается в лазарете, где знакомится с юной русской девушкой Аннушкой, которую немцы в самом начале войны насильно вывезли в Германию на работы. Любовь, возникшая между ними, во многом и стала причиной чудесного, неожиданного даже для врачей выздоровления Вятича.

Когда герой узнает, что у него начался процесс в обоих легких, страха не испытывает. Более того, он даже был рад отправке в тыл, в Дрезден, в госпиталь. Страх появляется, когда он узнает все подробности о горловой чахотке, о том, что она неизлечима и конец его очень скор и неминуем. С этого момента герой смиряется с мыслью о неизбежности смерти, он перестает жить в реальности, погружаясь в мир воспоминаний.

Тема памяти – сквозная в творчестве прозаика. Сопряжение времен – любимый прием писателя, он является доминирующим принципом построения многих его произведений, пользуется им Ржевский и в «...показавшему нам свет». Главный герой вспоминает детство в родовом поместье, последнее посещение деда в 20-е годы. Одно из самых тяжелых состояний героя, которое он испытывает, обращаясь к прошлому, – «стыд и *раскаяние*». «...В преступлениях подневольных и тебе самому в момент свершения омерзительных каяться тяжело. Здесь ведь каешься больше не в том, что ты сделал, а в том, что не достало у тебя мужества сопротивляться... “Кто – за то, чего он никак не думает и считает гнусным, – прошу поднять руку?” И руки ползут вверх... Здесь уже не раскаяние, здесь *стыд*, иногда такой острый, что стискиваешь зубы и готов застонать, как если где-нибудь в полевой операционной вытаскивают у тебя из спины пинцетом рваный гранатный осколок...» (2 : 47). Один из «осколков» – воспоминание Вятича о честнейшем старике-профессоре, «разоблаченном как...», о том, что не нашлось внутренней силы не голосовать, как все, против своих убеждений, против своей совести. «Тут бы закричать во весь голос, отчаянно: “Не я... нет! Я против!”... Но Лернейская гидра нашего времени, в отличие от той, которую задушил когда-то Геракл, требует непременно одобрения себе и анафемы жертвам. И рука ползет вверх» (2 : 48). Так в произведе-

нии появляется еще одна тема, которая является «сквозной в творчестве Ржевского, – репрессий 20–40-х годов в СССР и порожденного ими *страха*» (1 : 461).

С этой темой связана тема раскаяния. Именно она завершает записки Вятича, являясь, таким образом, некой кульминацией его рассуждений о жизни. Звучит открытый авторский призыв к читателям: «Люди, братья, дорогие, хорошие! Грешите, если не можете не грешить по общей нашей человеческой слабости! Творите себе кумиры, прелюбодействуйте, изрекайте на други своя свидетельства ложны! Друг простит предавшего его, предатель может раскаяться. Но бойтесь предать *самих себя*, свободную свою душу и волю! Предать самого себя – самое тяжкое преступление, потому что прощать его уже некому и раскаяться *нечем...*» (2 : 48–49). Здесь очевидна оппозиция Ржевского по отношению к главным христианским заповедям. Он отрицает те грехи, которые православие возводит в ранг основополагающих, и утверждает, что самым страшным является преступление против своей совести.

В записках Вятича показывает Ржевский начало духовного и физического возрождения героя. Важную роль в этом играет образ медсестры-монашенки. Сестра не только ухаживает за больным, но, главное, пытается возродить в нем веру и надежду. С этим образом писатель впервые вводит в повесть религиозную тематику. Сестра произносит те слова, которые заставляют Вятича по-иному посмотреть на жизненные закономерности: «Врач не Бог... Не он отмеряет нам дни» (2 : 39). Именно она заставляет больного выйти из палаты и вспомнить, что есть живой мир – мир природы, весна, пробуждающая жизнь. Так для главного героя открывается еще одна спасительная сила – сила природы. Именно природа заставляет героя Ржевского не думать о смерти, просто забыть о ней и пропустить тот день, который врачи пророчили ему как последний. Соединение этих двух сил – природы и осознания божественного происхождения мира – и дает герою надежду на то, что он будет жить.

Вера в Бога помогает Вятичу выжить. Именно эта идея заключена в названии повести. Оно взято из слов молитвы, которую слышит главный герой в церкви: «Слава Тебе, показавшему нам свет». «Показавшему нам свет...» – снова начал Вятич, все пуще, как я видел, мучимый этой темой. – Почему-то, не знаю, потряс меня этот возглас... Я уверен, что именно восторг перед мирозданием, а не страх, как утверждают иные, составляет истоки религиозного чувства. И не только истоки, но и первую, самую главную суть. Вторая – любовь, возвещенная Христом. Восторг и любовь – существо веры» (2 : 119).

Однако философские и религиозные рассуждения, вложенные писателем в слова Вятича, далеки от ортодоксальной церковной морали. Так, герой Ржевского отрицает ценность загробной жизни, бессмертие души. «Для меня Бог – жизнь, а не смерть...» (2 : 67). Для Вятича «свет» – это земная жизнь, с ее мирскими радостями и красотой окружающего мира, который, сотворенный Богом, прекрасен и совершенен всегда. Вятич, побывавший на краю смерти, научился тому, что не дано большинству, – ценить каждый миг бытия, наслаждаться каждым мгновением жизни, в любом ее проявлении находить красоту и гармонию.

Таким образом, в повести «... показавшему нам свет» Ржевский утверждает, что любовь – та сила, которая способна спасти человека в любых невзгодах, помочь выстоять в любых испытаниях; любовь, по Ржевскому, сильнее смерти.

Важную роль выполняют в повести и христианские мотивы: главный герой обретает веру в Бога, осознает божественное происхождение мира, учится наслаждаться божественной гармонией окружающей природы, и это помогает преодолеть ему смерть.

Библиографический список

1. Агеносов В. В. Леонид Ржевский (Суражевский): Две строчки времени // Агеносов В. В. Литература Русского зарубежья. М., 1998. С. 457–473.
2. Ржевский Л. Д. «...показавшему нам свет» (оптимистическая повесть). Frankfurt am Main, 1960.

О. А. Барышева

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РАССКАЗА В. Г. РАСПУТИНА «ВЕК ЖИВИ – ВЕК ЛЮБИ»

Главным героем рассказа Распутина «Век живи – век люби» становится человек, совершающий первые шаги на дороге жизни. Его сознание открыто для восприятия нового, у него нет обиды на мир за будто бы несправедливое его устройство. Его душа – как чистый лист, ждущий первых записей. Вопрос в том, каковы будут эти записи, по какой дороге пойдёт человек, ведь в мире он стоит, как писал митрополит Тихон, «среди двух путей, то есть праведности и греха, и, на какой хочет, вступает и идёт по нему, ибо в крещении ветхий наш человек, влекущий нас от Бога в сторону Дявола, плоти и мира, поражён смертельно, но не так, чтобы он, этот человек, не имел силы прожить ещё несколько мгновений в предсмертных содроганиях, чтобы нельзя было подкрепить, восстановить и изменить его в себе сродными ему пособиями, лечением, пищею, то есть служением плоти, миру и дьяволу, чтобы, ожив в нас, он не мог ослабить и даже убить в нас нового, чистого человека, порождённого в нас крещением» (3 : 40). «С «молодою думой» в груди и жизнь кажется человеку привольней-просторнее, и просшая терновником путь-дорога житейская словно веселит-бодрит сердце, пробуждаючи удаль молодецкую... Недаром сльвёт молодость за пташку вольную, у которой крылья не связаны, – куда захочет, туда и полетит! – которой никакие пути не заказаны» (1 : 556), – писал о народном восприятии молодости Аполлон Коринфский. Юный герой рассказа – Саня – после отъезда родителей и бабушки получает на время возможность пожить «самостоятельной» жизнью. Он вдумывается в само слово «самостоятельность», в его душе происходит процесс «всматривания» в себя и в мир: «...всмотрелся и увидел. Самостоятельность – самому стоять на ногах в жизни, без подпорок и подсказок – вот что это значит» (5 : 607). Конечно же, в его размышлениях присутствует доля юношеского самоутверждения и гордости: «Я – это я, это мне принадлежит, в конце концов мне за себя ответ

в жизни держать, а не вам» (5 : 607). Но нужно помнить, что именно в этом возрасте происходит закладывание основных жизненных принципов, и этому герою даётся бесценная возможность оглядеться вокруг себя и осознать своё место в мире, чтобы строить дальнейшую жизнь с оглядкой на всё увиденное и принятое душой в юности: «он получил удивительную способность оглянуться на этот мир и на этот порядок с расстояния» (5 : 609). Важными в проблематике рассказа являются строки, повествующие о том, что листочки календаря с теми днями, когда началась его самостоятельная жизнь, герой откладывал отдельно: «Саня снимал листочки и складывал их на тумбочке рядом с толстой бабушкиной стопкой своим отдельным порядком, видя в этом какой-то неяснённый, но значительный смысл» (5 : 611). В этих строках рассказа особую смысловую нагрузку приобретают слова «свои листочки» и «толстая бабушкина стопка»: век героя только начался, листочки календаря его жизни выглядят маленькими по сравнению с веком бабушки, но они приобретают для него значительный смысл как знаки новой жизни с самостоятельным её осознанием и приятием.

Перед лицом природы сталкиваются два поколения: новое, едва вступившее в этот мир и поколение старое, но вечный вопрос «отцов и детей» приобретает в рассказе Распутина новый оттенок. «Молодость и старость – два рубежа сознательной, вышедшей из оболочки детства жизни человеческой. Перед первую – мир счастливого неведения, отовсюду окаймлённый утренней зарёю существования, окрашивающее весь кругозор, видимый смертному взору, в розовый и радужный цвета; за вторую – мир неведомого, представляющийся наоборот – охваченным сумраком вечной, угрюмой тайны...» (1 : 555), – писал Аполлон Коринфский. Два героя поколения «отцов» – два возможных пути, по которым может пойти новое поколение. В рассказе сталкиваются два мироотношения, и какое из них примет юная жизнь – вот центральная проблема рассказа.

Образ Митяя косвенно возвращает нас к такому явлению на Руси, как юродство, последователи которого с буквальной точностью толковали слова Спасителя: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело одежды?» [Мтф. : 6–25]. В образе этого героя совмещаются как бы два человека – человек внешний, видимый всем и человек внутренний, сокрытый, открывающийся только избранным. Для большинства жителей посёлка Митяй – человек потерянный, пьющий, утративший даже имя своё, обходящийся кличкой. Митяй и сам будто бы намеренно отталкивает «благочинных» людей, рассказывая о себе «тюремные истории или пьяные свои похождения». И лишь немногие видят за этим внешним, напускным его внутреннее чувство собственного достоинства, выражающееся в верности своему слову: «Митяй не попрошайничал, как некоторые в посёлке, которые знали одно: любым способом взять, выманить, выпросить – нет, Митяй сразу назначал, когда и чем он может вернуть долг...» (5 : 615). Если в посёлке Митяй – человек, находящийся на краю жизни, выбившийся из круга людей «благочинных», стыдящийся самого себя, то в тайге он предстаёт совершенно иным, а именно уверенным её хранителем. Важно отметить, как меняется портретная характеристика этого героя: «К нему Митяй и шёл за помощью и теперь, растерянный и расстроенный сидел на табуретке у входной двери и внимательно и невидяще смотрел...» (5 : 611). Примечательно, что всегда Митяй «вот так же

приходил, садился и ждал» (5 : 611) у дверей, не смея пройти в избу, как бы стесняясь самого себя. Но это стеснение и неловкость исчезают, как будто их и не бывало, как только герой покидает посёлок: «Сегодня это был совсем другой человек, чем вчера. С хитровато и уверенно поблёскивающими глазами, с плутоватой улыбкой на широком и поздоровевшем за ночь лице» (5 : 616). Потерянный вид исчезает, сменяясь «ладным и подогнанным», и этот лад идёт «словно бы от какого-то согласия с собой» (5 : 617). Митяй чувствует себя чужим среди людей и только в близости к природе обретает самого себя, внутренний лад. Когда герой готовится к встрече с ней, его лицо озаряется улыбкой, что резко отличает его от многолюдья других ягодников, которое характеризуется как «недружелюбное», озабоченное тем, чтобы побольше набрать, чувствуя в этом деле друг в друге соперника. «Духовность есть присутствие в человеке особых, неосознанных и не поддающихся рациональному объяснению благодатных даров, полученных от самого Творца, видимых и невидимых. Эти дары можно уподобить некоторой творческой энергии или воде живой и животворящей... При этом духовной энергией может наполниться всякий человек, грамотный и неграмотный, образованный и необразованный, молодой и старый. Она даётся ему даром, но при условии, что этот дар принимается свободно, по нелицемерной любви к самому дароподателю» (7 : 104–105), – пишет Анатолий Сиринов. Духовность Митяй черпает из благодатных природных источников, «поправляя» душу свою вдали от искажённого потребительством мира цивилизации.

Два разных человека предстают перед глазами Сани – две природы человеческие, решающие между собой, кто из них сильнее, природы, явленные глазам главного героя в момент становления его характера для того, чтобы он начал осуществлять свой жизненный выбор. Герою-антиподом Митяю становится дядя Володя – человек, во многом принадлежащий той орде, что, по словам Митяя, больше топчет, нежели собирает. Резко контрастирует его портрет с портретом Митяя: лицо не освещено улыбкой и ладом, идущим от самой души, напротив, оно видится «дряблым». Символично это сочетание «дряблого» лица и уверенных манер, манер, характеризующих его как здешнего: уверенность идёт от гордого сознания себя полновластным хозяином этих мест по праву рождения, дряблость же лица – отражение духовной и душевной дряблости. Между этими героями на глазах мальчика происходит ключевой разговор-спор, затрагивающий само место человека в природе: кто он – полновластный, гордящийся своим богатством хозяин, сознающий её как свой огород; или хозяин-хранитель, чувствующий своё призвание в заботе и охране её.

«...Хозяин тайги сыскался! Как это вы все не любите новичков... Будто свой огород... захочу – пушу, не захочу – заверну. Митяй усмехнулся.

– Ты меня с ими не равняй, – подумав, примирительно сказал он. – Я бы такой был, как ты говоришь, я бы тебя с собой не взял» (5 : 627).

«В основе крестьянского взгляда на землю... и весь растительный и животный мир, – писал М. М. Громыко, – лежало представление, что всё это – создание Божие и, прежде всего, поэтому исключается разнузданное отношение к природе, грубое вторжение в её жизнь. Человек не считал себя «царём природы», призванным переделывать её на каких-то им самим придуманных основаниях... Нравственный идеал включал соблюдение интересов других людей, в частности – своих потомков...» (2 : 316–317). Отношение же современного человека к земле и всему, что она даёт ему,

приобретает черты бездушного, бездуховного потребительства. На возникновение этой проблемы в наше время точно указывает А. С. Панарин в книге «Православная цивилизация в глобальном мире»: «...Перед лицом глобальных проблем нам приходится признать, что восприятие окружающего мира как высшего дара, как Благодати, обязывающей нас к ответственному отношению, более всего приближает к экологическому императиву современности. Вне парадигматики дара все вещи космоса могут восприниматься как бесконечно тиражируемые и воспроизводимые, получаемые без ответных обязательств – как мировая материя, непрерывно обесцениваемая в ходе прогресса» (4 : 90). Понимание Митяем природы как дара всем людям от Бога не даёт ему права сознавать себя полновластным её хозяином, но в то же время чувство хранения её, ответственности перед этим даром вызывает нежелание допускать к ней «орду» потребителей, вытаптывающую всё на своём пути, орду, стремящуюся только брать, ничего не отдавая взамен.

Перед героем открываются два мира: мир города, «тесный и серый» (5 : 640), созданный руками человека, и мир нерукотворный, открывающий всё свою «необъяснимую красоту и страсть», рождающий «нечеловечески сильное и огромное чувство» (5 : 640). Это чувство настолько всеобъемлюще, что душа человеческая не в силах вместить его, но для неё важно уже просто увидеть это, осознать, впустить в себя, чтобы потом пойти, «не свернув с тропы», тропы добра и мироприятия.

Приближением к таинственной красоте природы, к тайне её совершенства душа героя вознесена к высшей точке своего развития, но тут же сброшена вниз людским несовершенством: своеобразный «урок», данный Сане дядей Володей, – это не только обман и злая насмешка над мальчиком, это предательство самой природы, предательство её даров человеку, предательство, которое она не прощает: «Теперь, дядечка Володечка, ходи и оглядывайся, – неожиданно спокойно сказал Митяй. – Такое гадство в тайгу нести... Мало тебе посёлка?!.. На тебя же первая лесина сама свалится, первый же камень оборвётся. Вот увидишь. Они такие фокусы не любят... Ой, не любят!» (5 : 646).

Значимым в проблематике рассказа является образ рельсовой дороги: дороги как границы между миром природы и миром, в котором пытается властвовать человек: «В поздних и мягких сумерках они вышли к Байкалу, перешли через рельсовую дорогу... Мягкие сумерки – верный признак того, что сегодняшний день по звонкой и чистой мощи своей не повторится ни завтра, ни послезавтра, долго-долго. Земные праздники мы знаем – то был праздник неба, который оно, небо не может справлять только в своих просторах, то было щедрое пограничье между двумя пределами. И вот он кончился, и вот оно минуло» (5 : 642–643). Этот день, случившийся в жизни героя, – день, когда земное и небесное соединились, чтобы открыть человеку всю красоту и благодать мира Божьего, день, который влил в душу героя благодатный свет. Перейдя рельсовую дорогу, Саня покидает мир природы, несущий духовную благодать, возвращаясь в «тесный и серый» (5 : 640), равнодушный, а подчас и способный на предательство мир человеческий. Согласно чувствам героя меняется картина природы: в тот благодатный для его души день «солнце поднялось высоко...», единственное во всё огромное чистое небо. Вся низина сияла под солнцем, и взрывчато звёздчато взблёскивали там на кустах яркими вспышками погибающие капли воды... Умиротворённо и грустно, вызывая какую-то непонятную сладость в груди,

затихал ветер...» (5 : 640). Когда герой перейдет незримую границу, его душой овладевает некая отстраненность, и, вторя ей, происходят изменения в природе: «Догорел свет, небо потухло, не давая глубины, и затмилось; сгруппа выскочили над Байкалом слабые мутные звездочки и тут же, как одёрнутые, скрылись... Длинными и тоскливыми вздохами пошумливал верховой ветер» (5 : 643).

В этом небольшом рассказе вновь ищет ответа вопрос: верно ли утверждение-упрёк, прозвучавшее в устах молодого поколения «Прощания с Матёрой»: «... Памятью больше думаете, памяти у вас много накопилось» (6 : 297). Важно отметить смысловую нагрузку слова «память»: это не кратковременное воспоминание – это духовная основа, заложенная в человека с момента рождения: «Не может быть, чтобы человек вступал в каждый свой день вслепую, не зная, что с ним произойдёт, и проживал его лишь по решению своей собственной воли, каждую минуту выбирающей, что делать и куда пойти. Не похоже это на человека. Не существует ли в нём вся жизнь от начала и до конца изначально и помогает ему вспомнить, что делать. Быть может, одни этой памятью пользуются, а другие нет или идут наперекор ей, но всякая жизнь – это воспоминание вложенного в человека от рождения пути. Иначе какой смысл пускать его в мир?...» (5 : 629–630) Память духовная – это путь, завещанный Отцом Небесным лучшему из своих творений, забывший же и старающийся не вспоминать путь этот становится заблудшим, потерявшим опору в жизни, ничем не защищённым от ветров, бездумно несущих его по жизни. В связи с этим в художественном мире прозы Распутина вновь возникает образ покинутого дома: «Видно было, когда поезд тронулся, как вышедшие длинной очередью, выстроившись друг за другом, уходили в распадок мимо покинутых домов, сквозящих в окнах пустотой и холодом» (5 : 621). Важно отметить, что мотив этот расширяется, образ покинутого дома перерастает в образ погибшей, потерянной человеческой души: «Люди, удаляющиеся в тёмный распадок мимо нежилых домов, как мимо чужих гробов, казались уходящими туда в поисках собственного вечного пристанища и несущими в этих странных посудинах итоги своей жизни» (5 : 621). Всякий предстанет перед Господом, неся за плечами «итоги своей жизни», и будет держать ответ за всё совершённое в земной жизни. Память и исполнение заветов Господа, память духовная – это то, что помогает человеку спасти душу свою от соблазнов мира земного, это тот камень, что положил в основание дома своего «муж благоразумный, который построил дом свой на камне; и пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне» (Мтф : 7 – 24-25). Камень этот есть Слово Божие, звучащее в душе человеческой и хранящее душу его. Потерявший же память на заветы Отца Небесного, теряет душу свою, подобно тому человеку, о котором в Евангелии сказано: «А всякий, кто слушает слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мтф : 7 – 26-27).

В финале рассказа герою слышатся во сне голоса – голоса добра и зла, ведущие борьбу в душе человека всю его жизнь: «Сане снились в эту ночь голоса. Ничего не происходило, но на разные лады в темноту и пустоту звучали в нём разные голоса. И все они шли из него, были частью его растревоженной плоти и мысли... И только один голос произнёс такое, такие грязные и грубые слова и таким привычно-уверенным тоном, чего в нём не было и никогда не могло быть. Он проснулся в ужасе:

что это? кто это? откуда в нём это взялось?» (5 : 647). Ужас, который охватывает героя, – ужас от понимания того, что может принести надломленная, искажённая цивилизацией природа человеческая в юные души, открытые и восприимчивые. «Согласно христианскому учению, – пишет А. С. Панарин, – человек пребывает в космосе, в единстве со всей тварью, но космос этот есть творение Божие и сотворён он по нравственному закону Бога Отца. “Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу; и суд Мой праведен, ибо не ищущу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца” (Ин., 5;30). Катастрофа космического отрыва происходит в недрах нового, техноцентрического видения, связанного с индустриализацией и урбанизацией. Техническая среда носит очевидно рукотворный, искусственный характер – на ней не лежит печать Богоданности» (4 : 234–235). Контраст нравственности и правдивости мира природы, и предательства, фальши мира людского, конфликт между человеком, живущим по нравственным законам природы, и человеком, душа которого искажена цивилизацией, открываются юной душе в момент её становления, открываются и рождают вечную борьбу.

В самом названии рассказа таится ответ на вопрос, что тревожит молодую душу: «Век живи – век люби», люби и будь благодарен за тот бесценный дар, что дал Бог каждому человеку, – природу, люби и храни её на протяжении всего века своего, питайся её дарами – дарами для живота твоего и дарами для души твоей.

Библиографический список

1. *Аполлон Коринфский*. Народная Русь. М., 2007.
2. *Громыко М. М., Бугаев А. В.* О воззрениях русского народа. М. 2000.
3. *Митрополит Трифон (Туркестанов)*. Древнехристианские и Оптиные старцы // *Путь к совершенной жизни: О русском старчестве*. М., 2005.
4. *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
5. *Распутин В. Г.* Деньги для Марии. Повести и рассказы. М., 2005.
6. *Распутин В. Г.* Живи и помни. Повести и рассказы. М., 2002.
7. *Сирин А. Д.* Свет распутинской прозы. Иркутск, 2007.

Д. И. Иванов

Ивановский государственный университет

«ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОХА» РУССКОГО РОКА И ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ТРАГИЧЕСКИЙ ШАБАШ К. КИНЧЕВА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Вопрос о степени влияния христианских идей на эстетику русского рока 1980-х годов до сих пор остаётся открытым. Учёные, рассматривая философско-эстетический фундамент рок-культуры 80-х годов, утверждают, что христианская традиция осталась закрытой для рок-поэтов «героической эпохи». По мнению некоторых учёных, основной причиной «недоступности» комплекса христианских идей